

М. ДОГАН

УГАСАНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

ДОГАН Маттей — французский политолог и социолог, директор Национального Центра Научных Исследований в Париже, профессор политологии Калифорнийского Университета, бывший директор Комитета по Европейским Социологическим исследованиям в Париже. В нашем журнале публикуется впервые.

Своей национальной интеграции страны Западной Европы достигли уже давно. Сегодня они находятся в постнационалистической стадии существования, стремясь к наднациональному сотрудничеству в результате происходящих в них глубинных процессов экономического, социального, культурного и политического взаимопроникновения. Националистическая позиция каждой из западноевропейских стран в отношении других стран Западной Европы пребывает в состоянии эрозии в том смысле, что не проявляется больше в качестве основной характеристики гражданской культуры. Национализм все еще остается одной из наиболее важных политических ценностей в современном мире, но не в Западной Европе.

В центре проведенного в работе анализа — стремление показать отношение каждой западноевропейской страны к другим странам Западной Европы, объяснить причины угасания националистических тенденций и их проявления в лагере западноевропейских стран, отвлекаясь в то же время от тех позиций, которые эти страны могут занимать в отношении к другим регионам мира, исключая Соединенные Штаты и Японию.

Все, что может быть сказано по поводу эрозии национализма в Западной Европе, не следует экстраполировать на страны Восточной Европы; этот феномен, как представляется, в данный момент ограничен лишь странами Западной Европы.

Этническое самосознание и национализм очевидно, разные понятия, и поэтому в работе не рассматриваются различные этнические движения; равным образом не исследуется и региональная идентичность. Понятие национализма не самое подходящее для их характеристики.

Из анализа исключены и различные расистские проявления отношения к иммигрантам не европейского происхождения. Расизм и национализм — также разные понятия: они перекрывают друг друга лишь частично. Ослабление националистических позиций в отношениях между европейскими странами и одновременное сохранение и даже усиление расистской враждебности к иммигрантам из Африки и Южной Азии, нельзя считать несовместимыми. Имеется много работ, в которых рассматриваются различные проявления этих расистских позиций.

Что означает упадок национализма?

В сравнении с каким периодом времени?

Идеальным исходным моментом серьезного анализа этой тенденции можно было бы выбрать 1930-е годы — период апогея тоталитарных режимов в шести европейских странах и подъема крайне правых движений — в других. В 1938 г. в И из 22 стран Западной и Центральной Европы существовал режим диктатуры, а в большинстве других наблюдалось

развитие представительных националистических партий. Но в эти годы опросы общественного мнения еще не практиковались, либо только нарождались.

Мы не располагаем результатами выборочных опросов на общенациональном уровне, относящихся к этому периоду, но у нас имеется множество исторических исследований о настроениях масс, в которых подчеркивалось значение для их формирования националистического контекста и усвоения принципов господствующей доктрины.

Анализ содержания массовых и элитарных изданий, а также учебников для начальных и средних школ в 30-е и 80-е годы нашего столетия являются важными источниками информации о состоянии общественных умонастроений в эти периоды. Сравнительный анализ информации, исходящей из различных сфер процесса социализации молодежи в названные годы (например, выступление школьных учителей в Италии, Испании, Франции или Германии), наглядно показывают изменения, происшедшие в системах национальных ценностей, стереотипах и пристрастиях. Господство ряда идеологических доктрин в 30-е годы не вызывает никакого сомнения относительно высокого уровня националистических чувств, испытываемых миллионами людей в этот период.

То, что в 30-е годы в Западной Европе наблюдался мощный прилив националистических настроений, не одно лишь предположение; реальность явления подтверждается целым рядом ученых-историков. По этому поводу существует общее единодушие среди европейских социологов [1].

Другим возможным переломным моментом (знаменующим начало спада) следует считать 1945 г. Начиная с этого времени, наблюдается тенденция, которую мы можем наблюдать в определенные моменты на основе анализа результатов опросов.

В настоящей работе мы стремимся проследить постепенный и длительный процесс спада (развития по наклонной), тенденцию, охватывающую целые поколения. В идеальном варианте, нам следовало бы получить ее эмпирическое доказательство для многих стран в разные моменты времени, разделенные периодом в 30—40 лет, поскольку основные ценности меняются медленно. Однако имеющиеся данные опросов охватывают лишь сравнительно недавний период. Часть эмпирических доказательств, которые я мог бы представить, основана на вторичном анализе данных, полученных при опросе, проведенном Европейской группой по изучению систем ценностей [2] в девяти европейских странах, 1981 г., и впоследствии распространено на ряд других стран, в числе которых следует особенно выделить Соединенные Штаты и Японию.

Исследование, включавшее тот же перечень вопросов (за некоторыми незначительными исключениями), было повторено в 1990—1991 гг. в тех же европейских странах. В отношении наиболее важных ценностей вторая волна подтверждает результаты первой, различия в процентном их соотношении весьма незначительны. Учитывая сравнительно небольшой период, разделяющий эти два опроса, мы обнаружили, как и ожидалось, больше сходства, нежели различий. Источником другой части эмпирических доказательств служит "Евробарометр" [3—6] (аналитическое издание Европейского сообщества), охватывающий период с 1971 по 1991 гг., а также публикации различных институтов по изучению общественного мнения во Франции, Англии, Германии и Италии.

Пять признаков национализма

Постепенное разрушение национализма не означает его искоренения. Очевидно, национализм не исчез окончательно в странах Западной Европы. Постепенный спад не следует смешивать с окончательным упадком: никогда за всю свою историю не знала Европа большего процветания, расцвета культуры, не имела большей свободы и гражданских прав, чем теперь. Все западноевропейские страны представляют собой плюралистические демократии.

Большинство приводимых в настоящей работе данных приобретает более четкую значимость, если их рассматривать в исторической перспективе, и лишь в немногих случаях мы могли бы выявить обратные тенденции.

Наблюдая современные тенденции развития национализма, считаем необходимым выделить в нем пять особенно важных признаков; чувство национальной гордости, степень доверия к своей национальной армии, готовность или нежелание защищать свою страну в случае войны, доверие или недоверие к соседним странам, чувство принадлежности к Европейскому сообществу. Эти признаки национализма взаимосвязаны, но не являются взаимозаменяемыми. Можно гордиться своей страной без желания сражаться за нее в случае войны. Некоторые граждане осознают причастность к своей нации, но не испытывают гордости от этого.

Умеренная национальная гордость

"Гордиться или не гордиться своей страной — вот вопрос, который я не могу понять", — такой ответ дал каждый из трех французов, подвергшихся устному опросу, проведенному в 1977 г. Тем не менее, национальная гордость, с появления работы Альмонда и Вербы "Гражданская культура" остается предметом, к которому возвращаются всякий раз при проведении опросов, касающихся основных общественных ценностей. Этот предмет изучался в Международном опросе по системам ценностей в 1981—1982 гг.; Европейской группой исследования систем ценностей в 1990—1991 гг.; опросом Европейского сообщества в 1970 г.; "Евробарометром" в 1983, 1985 и 1988 гг. и институтами исследований общественного мнения в различных странах, особенно в Германии, Англии и Франции.

Было получено множество эмпирических данных о чувствах национальной гордости, но даже на их основе нелегко составить четкую картину. Слишком большая неопределенность проявляется в таком нечетко сформулированном вопросе: "Могли ли бы Вы сказать, что гордитесь, скорее гордитесь, не очень гордитесь или не гордитесь совсем национальной принадлежностью?". Один из способов рассмотрения этих данных состоит в том, чтобы провести различие между так называемым самовлюбленным (нарциссистским) национализмом ("очень горжусь") и электическим национализмом ("скорее горжусь") предполагая, что различие отражает не одну лишь простую словесную реакцию. Послойный анализ (cross-sectional) ответов очевидно позволяет составить представление об этом различии. Только в трех странах — Греции, Ирландии и Испании — абсолютное большинство населения испытывает очень большую гордость, как показали по крайней мере четыре опроса, проведенные в период между 1981 и 1991 г. Все три страны имели бурную национальную историю, до сих пор сохранившуюся у всех в памяти. В Англии также абсолютное большинство граждан испытывали "очень большую гордость" в 1981, 1982, 1983 и 1985 гг., но лишь не многие в 1988 и 1991 гг. В пяти европейских странах — Германии, Франции, Италии, Бельгии и Голландии — эти изменения происходили за более длительный период. Во всех этих странах мы обнаруживаем сокращение числа "очень гордящихся" в период между 1970 и 1981 гг.

Существует сильная взаимосвязь между чувством национальной гордости и занимаемыми людьми правыми или левыми позициями. Среди европейцев, придерживающихся левой ориентации, лишь 29% относились к числу "очень гордящихся" в 1981 г.; среди правых — 60% [7, p. 61].

Люди могут гордиться своей страной по очень многим причинам. Один могли бы гордиться экономическими успехами и разумными демократическими институтами. Португальцы, например, гордятся своим "историческим наследием", а не уровнем жизни в своей стране. Большинство итальянцев "природной красотой своей страны" и "ее художественными сокровищами".

Чувство национальной гордости не является несовместимым с осознанием того, что страна пребывает в состоянии застоя. Так, например, греки очень гордятся своей страной (70% "очень гордятся", и 20% "пожалуй, гордятся"), но в то же время 45% опрошенных в 1987 г. считали, что их страна переживает спад, тогда как только 34% — по-прежнему процветает. Сильно выраженное чувства национальной гордости греков следует объяснить современной исторической перспективой, особенно на Кипре. В противовес некоторым представлениям, Греция является молодым национальным государством, достигшим своей национальной независимости лишь в 1930 г., после четырех столетий турецкого владычества.

Степень национальной гордости не определяется также размерами страны, поскольку в Исландии, Ирландии и Греции чувство национальной гордости проявляется больше всего. Но в самих странах оно выражено в разной степени в зависимости от уровня образования отдельных личностей.

Германия, Италия, Япония и Бельгия — страны, где опросами 1981 г. был установлен самый низкий уровень выражения национальной гордости: только 35% немцев 28% итальянцев, 25% бельгийцев и 22% японцев оказались "очень гордящимися". В названных странах процент данной категории граждан оставался низким и в течение всего последующего десятилетия. Германию следовало бы рассматривать в этом списке как "клинический" случай. Очевидно, то синдром поражения сохраняет длительное воздействие на население страны. Культурные споры в Германии за последние четыре

десятилетия, предшествующие объединению, несомненно способствовали распространению такого "умеренного" сознания. Что касается Бельгии, то причину столь низкого уровня национальной гордости можно было бы отыскать в глубоких расхождениях между фламандцами и валлонами — основными национальными общинами страны.

Процент граждан, не испытывающих чувство национальной гордости (национального самосознания), значительно возрос за 80-е годы в Англии и Бельгии и сохранился относительно высоким в Германии (от 29% до 31%), Италии (15%) и Франции (19%). Но вполне допустимо, что чувство национальной гордости немцев усилилось после воссоединения государства и краха Восточного гиганта.

В ряде стран некоторые граждане испытывают чувство "отрицательной солидарности". Заданные по этому поводу вопросы позволяют выявить это чувство: "В какой стране Вы хотели бы жить?".

Большинство венгров в данном случае не выбрали Венгрию (но это было до падения "железного занавеса"). Венгры испытывали чувство принадлежности стране, которой "не повезло", разочарование, которое ослабило чувство национальной гордости и даже национальной принадлежности [8]. Вопросы, которые задавались 30 лет назад в Италии и Англии относительно желания эмигрировать в Соединенные Штаты, обнаружили существование незначительного меньшинства желающих с неглубокими национальными корнями. Такое желание резко упало за последние два десятилетия.

Исследование результатов опросов по 15 странам позволяет установить, что существует слабая зависимость между чувством национальной гордости и экономическими и культурными достижениями этих стран в современном мире. Но было бы разумнее воздержаться здесь от комментариев по поводу наиболее очевидных расхождений.

Низкий уровень доверия к армии

Уровень доверия к армии можно объяснить в свете военной истории, которую апологеты-историки той или иной страны предпочитают не вспоминать. Что учитывается прежде всего, так это реальная способность страны оказать сопротивление и выиграть в случае войны, а не обязательно компетентность личного состава армии.

С точки зрения военного опыта страны и национальной коллективной памяти, наблюдаются существенные различия между довоенными и послевоенными поколениями. Родители и деды современных поколений немцев проигрывали войны дважды; Италия начала вторую мировую войну в одном лагере, а закончила ее в другом; Франция, потерпев поражение в июне 1940 г., была оккупирована в течение четырех лет; военные силы Голландии, Дании и Норвегии потерпели поражение в 1940 г.; греческая армия не смогла обеспечить сохранение независимости страны даже на островах; польская армия была разбита в 1939 г.; румынская армия металась между Вермахтом и Красной Армией; испанская армия боролась не с внешними врагами, а с собственным народом в 1936—1938 гг.; португальская армия поколение спустя пережила горечь унижительных поражений в колониальных войнах. Наиболее печально известным в Европе является пример Чехословакии, которая трижды "капитулировала", даже не пытаясь или не имея возможность бороться: в 1937, 1948 и 1968 гг. Но в аналогичных условиях маленькая Финляндия стала на путь борьбы и добилась успеха. Только британская армия, защищенная проливом (Ла-Маншем), оказалась победительницей, но война ускорила британский экономический спад. Истина же в том, что без массивной помощи американской армии, Европа не смогла бы освободиться от тоталитаризма — коричневого или красного — несмотря на самоотверженность, и героизм европейских солдат и борцов сопротивления. Для того, чтобы объяснить современные капитулянтские искушения, необходимо восстановить эти важные исторические факты.

Существованию угрозы Красной Армии принадлежит немалая роль в снижении уровня доверия к западноевропейским армиям. В течение четырех десятилетий европейские народы и их руководители испытывали этот страх. Вскоре после прекращения военных действий (после окончания войны) половина французских граждан считала, что "новая мировая война разразится в ближайшие годы". Это опасение выражали от 35 до 45% граждан в большинстве государств в период "холодной войны". Перед лицом такой опасности военные руководители и политики в Европе пришли к выводу, что их армии стали "слишком маленькими". Прежнее соперничество между странами Европы ушло в область "исторического прошлого". Каждая европейская страна перестала быть независимой в военном отношении, и эта потеря самостоятельности «вскоре была осознана массами» (9, 1948, p. 92).

Западная Европа представлена пятью большими и десятью малыми странами. Однако размеры не являются важным параметром, определяющим степень доверия граждан к своей армии. Даже в больших странах, тратящих значительную долю своего национального бюджета на содержание армии в течение длительного времени, народ не продемонстрировал большого доверия: 44% французов, 48% немцев, 45% итальянцев и 36% испанцев не испытывали доверия к своим армиям. Только англичане (которые без сомнения сохраняют живое воспоминание о зиме 1940 г.) проявили четыре десятилетия спустя доверие к своей армии и своей островной замкнутости: лишь 20% британцев выразили сомнение в способности своей армии защитить их. Финны, находясь перед непосредственной угрозой гиганта, проявили доверие к своей маленькой армии. В то же время 64% японцев не испытывают доверия к своей армии: среди развитых демократий Япония, по-видимому, является наиболее антимилитаристской. В период между 1981 и 1990—1991 годами средний процент граждан в 12 странах Европейского Сообщества, продемонстрировавших "высокую степень доверия" к армии, снизился с 20 до 13, а число не испытывающих доверия возросло с 38% до 48%. Таково было состояние перед крахом Советской Империи.

Военная карьера во многом утратила свой традиционный престиж. Убедительным признаком этого во Франции является тот факт, что выпускники Политехнической школы, старинного престижного учебного заведения, больше не стремятся к военной карьере, как это было до 1940 г.; они предпочитают гражданские профессии в государственном аппарате, за исключением немногих, принадлежащих к семьям наследственных военных.

Существует сильно выраженная зависимость между доверием к армии и религиозными убеждениями. Поразительный контраст наблюдается во всех странах: большинство неверующих не испытывает доверия к армии (87% в Германии, 77% в Испании и Ирландии, 71% во Франции); большинство верующих, напротив, доверяют армии.

Одновременно с ослаблением доверия к собственной национальной армии укреплялась идея мультинациональной армии. Один из наиболее серьезных и бурных дебатов состоялся во французском парламенте в 1954 г. по предложению о создании "европейской армии". В этот период большинство французов было еще не готово согласиться "с перевооружением исконного врага". Проект отклонен 319 депутатами против 264, в чем нашло отражение состояние общественного мнения: 1/3 — за, 1/3 — против, при 1/3 колеблющихся [Ibid., 1954, p. 16]. Поколение спустя (30 лет), в декабре 1990 г. 66% взрослых французов высказались за "общую европейскую сторону". Во всех странах Европейского Сообщества семь из каждых десяти взрослых высказались "за" [6]. Идее, для того, чтобы созреть, потребовалась 1/3 столетия!

Низкому уровню доверия к армии сопутствует и нежелание служить по призыву. Лишь 1/3 взрослых французов сурово осуждает попытки молодежи избежать призыва на военную службу обманным путем (42% верующих католиков и 27% неверующих). Только один из каждых пяти молодых людей призывного возраста (от 18 до 24 лет) усматривает в таком поведении серьезную проблему нравственного порядка. То же самое явление наблюдалось в других европейских странах, особенно в Италии и Голландии. Но именно в Германии эта "ненависть к милитаризму" выразилась наиболее резко, что периодически демонстрировалось массовыми выступлениями молодежи в самых крупных городах. Уже в 1955 г. только 40% немцев высказывалось за восстановление новой немецкой армии. При опросе в 1990 г. по поводу распределения государственных капиталовложений немцы ответили армии последнее место в списке приоритетов из 16 пунктов, тем самым продемонстрировав свое предпочтение расходам на здравоохранение, жилищное строительство и школьное образование.

Потерпев поражение в войне, Германия и Япония за тридцатилетний период перешли от крайнего милитаризма к ярко выраженному антимилитаризму. Ирония истории состоит в том, что этим двум странам удалось добиться таких успехов за счет своего технологического превосходства и экономического расцвета, которых они не смогли достигнуть путем военной агрессии: стать второй и третьей та своему экономическому развитию державами мира.

Не нужно быть провидцем, чтобы предсказать: в недалеком времени либо будет создана профессиональная европейская армия, построенная на основе пропорционального представительства каждой страны, либо же Европейская интеграция превратится в недоразвитый идеал.

Таким образом, один из традиционных компонентов национализма — способность каждой страны обеспечить свою военную защиту — по-видимому, постепенно исчезает.

Нежелание защищать свою страну: пораженчество

Другим показателем угасания национализма является нежелание значительной части населения защищать свою страну. При проведении Европейского опроса общественного мнения в 1981 г. о системе ценностей был задан вопрос "Готовы ли Вы защитить свою страну?". В вопросе не содержалось уточнения, при каких обстоятельствах и от кого. Но в условиях политического климата того времени у опрашиваемых не вызывало сомнений, что предполагаемым врагом считался Советский Союз. По всем девяти европейским странам в среднем 43% ответили, что готовы защищать свою страну, и 40% ответили отрицательно (17% воздержались или дали нечеткий ответ).

Эти средние показатели не изменились значительно за период между 1981 и 1990—1991 гг., и не предполагалось, что они изменятся, поскольку военная обстановка осталась прежней. В данном случае следовало бы провести сравнение с предвоенной ситуацией. Если бы подобный вопрос был задан в 1930 г., общественное воздействие оказалось бы настолько сильным, что сравнительно немногие дали бы подобный фрондерский ответ, который в Германии, Испании, Италии, Португалии, Австрии, Франции, Бельгии тех времен мог бы быть расценен даже как преступное отступничество. Вполне возможно, что это была всего лишь словесная реакция, а не выражение глубокого, осознанного убеждения. Но словесное поведение представляет собой социологический факт, подтверждаемый сравнительным анализом.

Кто же принадлежал к числу готовых бороться, и кто занимал капитулянтскую позицию? В общеевропейской выборке готовность защитить отечество чаще проявлялась среди фермеров, нежели среди промышленных рабочих; среди верующих — нежели среди неверующих; наконец, среди придерживающихся правых убеждений, а не левых; среди тех, кто считает главным свободу, а не равенство; среди собственников, а не арендаторов. В политическом аспекте "те, кто стал бы защищать свою страну, придают первостепенное значение цели поддержания порядка в государстве, испытывают большее доверие к своим вооруженным силам, полиции, парламенту, государственным институтам в целом, они в большей степени поддерживают свободное предпринимательство и испытывают большее уважение к власти" [10, p. 169].

В этом вопросе существуют значительные различия между странами. В Германии только 35% респондентов ответили, что готовы защищать свою страну; 31% — в Италии; 27% — в Бельгии; 19% — в Японии, по сравнению с 83% в Норвегии. Число колеблющихся (не давших определенного ответа) было сравнительно высоким в Германии (23%), Бельгии (23%) и Японии (35%). Для немцев война представлялась в 1981 г. как братоубийственная в которой Восток натравили бы на Запад.

Взаимосвязь между пораженчеством и отсутствием национальной гордости или слабостью национальной гордостью весьма показательна. Среди французов, готовых защищать свою страну, 49% испытывали чувство национальной гордости (а 18% — нет), в Испании — 57% против 31%; в Италии — 31% против 19%; в Англии — 66% против 39% [11, p. 94]. Сильная взаимосвязь существует также между низким уровнем доверия к армии и нежеланием защищать свою страну.

При опросе, проведенном "Евробарометром", в ноябре 1989 г., интервьюируемых просили выбрать одну из 12 "великих целей" заслуживающих того, чтобы за них боролись. Обобщая результаты по всем 12 странам, можно обнаружить, что цель — "защита страны" была помещена в списке на седьмое место, после "права человека", "мира", "защиты природы", "борьбы с бедностью", "свободы личности" а "борьбы против расизма". Однако цель "защита страны" была поставлена выше, чем "защита религиозных убеждений". Быть может, в этом есть своя логика; защита страны требует коллективных усилий, тогда как вера является личным делом.

Во Франции и Италии среди тех, кто не верит в "жизнь после смерти", процент пораженцев выше, чем среди верящих в нее (во Франции — 51% против 38%, в Италии — 61% против 48%). Для других стран эти различия не столь велики.

В настоящее время Япония — наиболее пораженчески настроенная страна среди всех развитых демократий. Опросы, проведенные в 1980 и 1981 гг. показали, что 2% японцев предпочли бы дезертировать или сдаваться врагу без сопротивления (23%), если бы их страну оккупировали. Только 31% выразил готовность защищать свою страну. Число оказа-

лось даже меньше в случаях, когда вопрос был уточнен следующим образом; "с риском для своей жизни".

Опрос общественного мнения, проведенный в 1983 г. одновременно в Японии и Соединенных Штатах, показал глубокое различие между ними. В случае нападения на страну, только 21% японцев выразил готовность ее защищать, в сравнении с 73% американцев. На просьбу, выраженную при опросе 1981 г., назвать то, "что они более всего хотели бы защитить", только 8% взрослых японцев выбрали ответ "страну, нашу территорию", сравнительно с 44%, выбравшими "свободу и мир", или 45%, указавшими в качестве таковых "себя, семью, имущество" [12, 1981—1982, p. 458].

Не следует пренебрегать и психологической стороной проблемы. Практика применения современного оружия может иметь серьезные психологические последствия для выражения готовности сражаться. Для одного из каждых четырех американских солдат, эвакуированных с фронта во время второй мировой войны, главной причиной была психологическая травма.

До первой мировой войны все молодые немцы, французы, итальянцы, испанцы призывались на военную службу на три года, независимо от их желания. Это был высший национальный долг: дезертиры лишались гражданских прав. Теперь демократические правительства не смогли бы добиться такого самопожертвования в мирное время. Менталитет изменился коренным образом на всех уровнях политической пирамиды. Военная практика также.

Без сомнения, в случае настоящей войны поведение может оказаться совсем другим по сравнению со словесным выражением позиций при опросах, но очень важно подчеркнуть, что мнения по большому числу различных вопросов совпадают.

Взаимное доверие между западноевропейскими странами

Другой показатель угасания национализма — то доверие, которое европейские государства проявляют по отношению к своим соседям (результаты опросов "Евробарометр", финансируемых Комиссией Европейских Сообществ и проводившихся в 1970, 1976, 1980, 1982, 1986 и 1990 гг.). За эти 20 лет результаты опросов изменились, но не поколебали основных выводов. Нет необходимости составлять по ним несколько различных статистических таблиц; наш анализ в первую очередь будет касаться результатов опроса, проведенного в октябре 1980 г., наиболее подробного из перечисленных шести. В заданных вопросах не делалось никакого различия между доверием народа как отдельных личностей, доверием страны в целом как коллективного организма и доверием правящих кругов, находящихся у власти в момент проведения опроса. Однако, проведя такое различие, можно было бы дать четкое объяснение позиций.

Полученные данные отражают различные стереотипы. В ответах ряда французов об итальянцах содержался стереотип "нож в спину", утверждавший 40 лет тому назад фашистскими правителями. Стереотип представления о США — "капитализм", "империализм". Этот стереотип не относится к американцам как к отдельным личностям. Хорошо известно, что американские и европейские бизнесмены доверяют японским и китайским коллегам, даже если у них нет достаточных оснований доверять Японии и Китаю как государствам. Практически очень трудно получить нейтральные данные.

Большинство европейцев, опрошенных в 1980 г., доверяли девяти из тринадцати рассмотренных европейских стран. Только четыре страны — Италия, Греция, Испания и Португалия — воспринимались как ненадежные большинством европейцев, принадлежащих к этим девяти странам.

После минувших нескольких поколений национального антагонизма между Францией и Германией, трех войн и весьма стойкой всеобщей памяти, полной предубеждений, важный поворотный момент возник в европейской истории: сегодня большинство немцев испытывает доверие к французам и наоборот. Результаты опросов общественного мнения, проведенных во Франции и Германии в мае 1983 и октябре 1988 гг., показывают, что в ответ на вопрос "Какие две из нижеперечисленных стран Вы считаете дружественными вашей стране?" Франция была поставлена на первое место в списке в немецких выборках, и Германия — во французских. "Удивительная перемен", — сказали бы те, кто для того, чтобы освежить память, заглянул бы в архивы.

В июле 1954 г. каждый второй из 2 562 французов, включенных в выборочный опрос, ответил, что он (она) является "жертвой" войн 1914—1918 гг. или 1939—1945 гг. с Германией, потеряв кого-либо из членов своей семьи, или же понеся ущерб — ранение, разрушенный дом [9, 1958; V.I, p. 54].

В феврале 1955 г. 30% французов считали, что Германия представляет "опасность", тогда как 40% опасались больше Советского Союза. С ноября 1954 по май 1956 г. число французов, имевших "плохое или очень плохое мнение о немцах", колебалось по результатам шести опросов от 26 до 31%; лишь в мае 1957 г. число их упало до 18%, а семь месяцев спустя — до 15%. В сентябре 1952 г. и снова в декабре 1955 г. каждый третий француз считал, что в случае войны с Советским Союзом Франция не должна доверять Германии, и только 9% опрошенных выразили доверие бывшему врагу. Как показали те же опросы. Англии и Соединенным Штатам доверяли полностью и безоговорочно [Ibid, p. 50]. В 1954 г. только 24% французов доверяли договору с Германией, в сравнении с 43% опрошенных, не доверявших такому договору (Ibid, p. 64). В то же время продолжали процветать старые стереотипы: "Немецкий народ по своей природе любит войны" — заявил в 1954 г. каждый второй француз. "Немецкий менталитет не изменился"; и "было бы лучше, если бы Германия оставалась разделенной" [Ibid, p. 74]. Тот же самый человек, кто в возрасте 25 лет в 1954 г. придерживался таких стереотипов, мог поменять свои взгляды в возрасте 54 лет, признавая в 1983 г., что Германия является лучшим союзником Франции.

В 1980 г. большинство французов проявляли доверие к Англии, но это чувство не было взаимным (по-видимому, сохранялась старая неприязнь, вызванная голлистской внешней политикой, которая удерживала Великобританию от желания войти в Общий Рынок). Значительное число граждан Великобритании с большим доверием относились к немцам, нежели к французам: 60% против 34%. Аналогичным образом французы были склонны ставить бывших врагов выше, нежели вчерашних союзников: 60% против 53%: мировые войны принадлежат истории, а европейское объединение представляет будущее.

Большинство итальянцев относилось с доверием к французам и немцам, но лишь небольшой процент французов и немцев доверял итальянцам. Большие симпатии были отмечены между бельгийцами и голландцами. Что достаточно любопытно — большинство ирландцев относились с доверием к англичанам и наоборот.

Большое число греков не доверяло американцам (53%), немцам (45%), итальянцам (45%) или англичанам (42%). Им платили тем же: 1/3 жителей Европы не доверяла грекам (при 27% не давших ответа). Не только многие европейцы относились к недоверием к грекам, но даже каждый четвертый грек не доверял соотечественникам. Страной, которая внушает грекам наибольшее доверие, является Франция (58%), что без сомнения объясняется историческими причинами, восходящими к XIX веку.

Наиболее интересный случай представляет собой Италия. В 1980 г. каждый второй европеец не доверял итальянцам, особенно немцы (64%). В то же время итальянцы не доверяли средиземноморским соседям, в особенности грекам (45%), несомненно, из-за сохранившихся воспоминаний об италло-греческой войне 1941 г., а также испанцам (45%) и португальцам (42%). Следует ли усматривать в этом живучесть проявлений ксенофобии в Италии в это время? Или же следует учитывать специфику итальянской политической культуры (особенно средневековой), насчитывающей тысячелетнюю историю: недоверие ко всем людям, даже соотечественникам, кроме своей семьи. Низкий уровень взаимного доверия итальянцев отмечался многими итальянскими писателями и был подтвержден в 1950 г. результатами опроса, касающегося проявления предубеждений. Эдвард Бенфилд дал этому качеству название "аморальный фамилизм". Опрос общественного мнения, проведенный в 1981 г. в 12 европейских странах, показал, что Италия является страной, где недоверие соотечественников друг к другу сильнее всего (35%), в сравнении с Грецией (25%), Португалией (17 %), Испанией (16%), Францией (17 %), Ирландией Бельгией (14 %) и Англией и Голландией (11%). Такое недоверие — особенность культуры, которую не следует смешивать с национализмом и ксенофобией, поскольку она проявляется по отношению к соотечественникам. Географическое распределение этого явления, сильнее выраженного на юге Италии, нежели в центральных районах или севере, подтверждает такое объяснение [13, 1986, p. 164]

Отсутствие доверия к итальянцам со стороны многих европейцев восходит к далеким временам второй мировой войны, когда итальянская армия не проявляла слишком большого желания воюнуть. Это было потому, что в понимании многих итальянцев сильный боевой дух означал бы поддержку фашистского режима.

Трудно классифицировать страны по степени доверия, которое питают к ним соседи,

поскольку слишком многим не удалось выразить какое-либо мнение о малых странах: по-видимому, последние ничего не знают друг о друге и тяготеют к большим странам. Например, 54% ирландцев не имели никакого представления о греках и наоборот, 42% греков не знали, что думать об ирландцах. Большой процент ирландцев не выразили никакого мнения относительно жителей других небольших европейских стран: 48% ничего себе не представляли о бельгийцах; 46% — о датчанах; 40% — о голландцах; 53% — о люксембуржцах, и только 7% ирландцев не имели четкого мнения об англичанах. Аналогично многие греки ответили «не имею мнения, о бельгийцах (37%), датчанах (36%) и голландцах (33%), 1/3 бельгийцев не могли ответить, заслуживают доверия или нет португальцы и греки; 1/3 французов и 44% итальянцев проявили такую же нерешительность в отношении ирландцев. Представляется, что ряд «небольших периферийных, стран — Ирландия, Португалия, Греция, — по-настоящему не интегрировались в сознание европейцев. Другие "малые" страны — Швейцария, Бельгия, Голландия — принадлежали к числу тех, кому доверяли больше всего; лишь очень немногие относились к ним с недоверием, потому что, будучи небольшими, они не воспринимались в качестве потенциальной угрозы.

В период между 1976 и 1990 гг. уровень взаимного доверия во всех странах повысился, за исключением Великобритании. Уже достаточно высокий в 1976 г., уровень доверия к четырем "малым" северным странам: Бельгии, Дании, Нидерландам и Люксембургу продолжал расти. Существенный рост доверия был отмечен в отношении Италии, Испании и Франции. Италия за период между 1986—1990 гг. достигла уровня доверия, которым пользовались другие большие страны. Между 1976—1990 гг. Ирландия также улучшила свой "имидж", как и Португалия и Греция. Единственным примером заметного снижения доверия является Великобритания — 1980—1990 гг. — "копуша", но тем не менее, эта страна остается одной из наиболее пользующихся доверием европейцев. Специфическое положение "малых" стран улучшилось в 1986—1990 г. [14, p. 13—19].

Если коротко резюмировать, лишь незначительное меньшинство западноевропейцев относится с недоверием к другим западноевропейцам, но большинство высказывает доверие, свободное от национализма. Нетрудно представить, каковы были бы результаты, если бы подобный опрос был проведен во Франции, Германии, Англии или Италии в 1930-е годы. Сегодня все западноевропейские страны являются плюралистскими демократиями; как утверждал Майкл Доил, либеральные демократии не склонны воевать друг с другом.

Доверие между странами в Западной Европе представляет собой разительный контраст с отсутствием такого доверия между странами Восточной Европы. Цифры убедительно подтверждают смысл сказанного. В процессе опроса, проведенного в 1990 г., большинство поляков заявили, что "не слишком доверяют" или "совсем не доверяют" русским (69%), украинцам (75%), белорусам (63%), румынам (64%), болгарам (56%) и чехам (61%). Только 2% поляков испытывают большое доверие к русским, украинцам и белорусам. Американцы, англичане, французы; итальянцы и швейцарцы являются единственными, к кому относятся с большим доверием по крайней мере 10% поляков. Коллективная память сохраняется до сих пор, спустя 45 лет после окончания войны: 60% поляков не доверяют немцам [6, p. A 47]. Из этого мы могли бы сделать вывод, что большинство поляков считают, будто живут во враждебном окружении. Такие чувства могут лишь питать ярко выраженный национализм.

Чехи тоже полагают, что живут во враждебном окружении. Большинство чехов не доверяли русским (62%), полякам (77%), румынам (77%), венграм (67%), болгарам (64%), и только 44% не доверяли немцам. Наиболее любопытный факт состоит в том, что заметное меньшинство чехов не доверяло словакам [Ibid.].

Расцвет европейского самосознания

Как мы видели, многие европейцы испытывают весьма умеренную национальную гордость, не испытывают абсолютного доверия к своей армии и не проявляют желания защищать свою страну, но зато доверяют соседним странам. Эти четыре показателя определяются многими параметрами, но оказывают совокупное воздействие, которое нейтрализует извечные националистические устремления.

Три вопроса, сформулированные "Евробарометром", дали эмпирическое доказательство расцвета европейского самосознания. Первый вопрос «Выступают ли граждане западноевропейских стран "за", "против" европейского объединения или же безразлично относятся к этой идее?», задавался многократно (31 раз) за период с 1952 по 1990 гг. во Франции, Англии, Западной Германии, Италии и Бельгии. Другие европейские страны были вклю-

чены в число опрашиваемых на последнем этапе (Нидерланды в 1962 г., Дания в 1973 г., Греция в 1980 г., Португалия в 1981 г.). Во всех этих странах благоприятное отношение к идее объединения усилилось (даже в Англии — с 58% до 74%). Средний процент для всех десяти стран повысился с 63 в 1973 г. до 80 в 1990 г. Следующий вопрос касался отношения интервьюируемого к участию его страны в Общем Рынке: ("Хорошо, плохо или ни хорошо, ни плохо для страны? "). Результаты многократного (37 раз) повторения этого вопроса за период между 1973 и 1990 гг. в большинстве стран (в Испании, Португалии и Греции — с 1980 г.) показали значительный рост позитивного отношения к нему во всех странах без исключения. Для всего Сообщества средний показатель увеличился с 56% в 1973 г. до 68% и 1990 г.

Третий вопрос "Принимая все во внимание, Вы считаете, что Ваша страна в итоге выиграла или нет от участия в Сообществе?" позволил установить, что в процессе 17 проведенных опросов наметился слабый спад количества положительных ответов между 1983 и 1990 гг. в Италии и Нидерландах, и напротив, значительный их рост в четырех странах, получивших наибольший выигрыш от перераспределения доходов Сообщества: Испании, Португалии, Ирландии и Греции, наименее богатых в числе 12 государств. В целом число положительных ответов возросло в среднем с 46% в 1986 г. до 59% в 1990 г. [Ibid].

Чем можно объяснить такую тенденцию? Национализм угасает в Западной Европе, поскольку растет наднациональное самосознание в результате постоянного и все усиливающегося взаимодействия многих уровней: экономического, военного, социального, культурного, политического.

Последствия взаимопроникновения экономик различных европейских стран являются очевидными и решающими. Жаждающая страна испытывает необходимость в торговле с другими странами и, в первую очередь, со своими непосредственными соседями. Для большинства стран около половины их валового национального дохода создается за счет внешней торговли, особенно в пределах самой Европы. Взаимопроникновение экономики стран Западной Европы очевидно. Без сомнения, соперничество между ними существует, но также существует и взаимозависимость. Учитывая современный уровень технологии, ни одна европейская страна — даже Германия, Франция или Англия — не обладает достаточной экономической свободой. Такая взаимозависимость порождает наднациональный рынок, подрывающий устаревший экономический изоляционизм или протекционизм. Несомненно, экономическое соперничество между странами Западной Европы сохраняется, особенно на региональном уровне, но отступает на второй план перед преимуществами, обеспечиваемыми Общим Рынком в экономическом соревновании с двумя другими державами, Соединенными Штатами и, особенно, Японией.

Своеобразный экономический национализм уже проявляется в Японии. Европейская реакция на такой внешний экономический национализм служит источником, способствующим эрозии классического национализма в самой Западной Европе.

Если учитывать военный аспект объединения, то четыре десятилетия "холодной войны" в век ракет под защитой американского атомного зонтика убедили уже в 1960 г., что европейские народы могли бы противостоять нападению Восточного гиганта, который в свою очередь смог бы получить такую же ответную реакцию со стороны стран Атлантического Союза. Государство в рамках одной нации, оказавшись слишком слабым за ряд десятилетий, чтобы защитить своих граждан от восточной сверхдержавы, утратило свое поенное назначение. Знаменательно, что военные установления в странах Западной Европы не являются более узко национальными. Ни одна из европейских демократий не могла бы сегодня объявить себя независимой в военном отношении: национализм утратил свою военную основу. Военная зависимость и экономическая взаимозависимость проявляют себя во взаимодействии.

В то же время границы между старыми западноевропейскими государствами получили, если можно так выразиться, "статус вечности": война между ними сегодня немислима, за исключением Северной Ирландии. Следовательно, национализм в странах Западной Европы в отличие от ситуации в Восточной Европе, больше не может питать себя территориальными притязаниями.

Все возрастающая усложненность социального расслоения является другим важным аспектом тенденции развития европейского самосознания. Каждая европейская страна характеризуется большими внутренними различиями в самых разных их проявлениях. Существует поразительное межнациональное сходство в том, что касается внутренних различий. Так, между двумя представителями буржуазии, например, французом и англичанином, существует большее сходство, нежели между представителем среднего

класса и работником физического труда в Англии или же правоведем и фермером не Франции. Внутри каждой страны существует больше социальных различий, нежели между странами по различным показателям: уровню рождаемости, разводов, росту одних секторов экономики и спаду других, уровню безработицы, финансовым трудностям системы социального обеспечения и так далее [15].

С точки зрения уровня культурного развития, за последние десятилетия европейское самосознание характеризует огромный прогресс. Целый ряд общественного мнения дает представление о быстрой интернационализации национальных культур. Сегодня люди, идеи и товары свободно циркулируют в Европейском Сообществе. За последние четыре десятилетия границы европейских стран пересекало большее количество европейцев, нежели за все предыдущие восемь столетий. Каждое лето миллионы людей перемещаются из северных районов к южным морям. Телевидение не знает национальных барьеров; Евровидение стало реальностью. Несмотря на языковые различия, культуры все в меньшей степени остаются национальными, и все в большей степени становятся эклектическими, при этом сближение среди молодежи более очевидно, нежели среди лиц старшего возраста. Несомненно, что смешение культур не происходит одинаково повсюду. За последние десятилетия трое из каждых четырех немцев имели возможность провести отпуск в другой европейской стране. Испанию и Италию ежегодно посещает число туристов, значительно превышающее число взрослых коренных жителей. Большинство голландских подростков свободно владеет двумя иностранными языками.

Можно распределить страны по уровню их "проевропейских симпатий", "Евробарометр" в своих опросах неоднократно определял число высказывающихся за европейскую интеграцию. В трех категориях стран уровень благоприятного отношения к европейской интеграции был наивысшим с 1973 по 1990 г. Прежде всего страны, чье состояние экономики очень зависит от внешней торговли — особенно Нидерланды, Бельгия и Люксембург — продемонстрировали наивысшие проевропейские симпатии. К ним принадлежали страны, для которых Европейское Сообщество оказалось защитным организмом — Германская Федеративная Республика до падения Берлинской стены. В это время Греция также испытала необходимость европейской защиты. Третью категорию составляли страны, которые считают, что они смогли бы решить свои национальные проблемы более эффективно, если бы передали некоторые властные полномочия европейской суперструктуре. Медленно, но верно Европейский парламент расширяет область своего проникновения. Опросы, периодически проводимые "Евробарометром", показывают, в каких именно областях народ готов принять общие правила и "гармонизацию" законов.

В большинстве стран националистические партии крайне правого толка представляют ничтожно малую долю состава избирателей. Франция и Австрия являются единственными европейскими странами, где правые экстремисты получили более 10% голосов в 1980-х годах, и это главным образом явилось выражением враждебности по отношению к иммигрантам — неевропейцам, а не к другим европейцам вообще. Контент-анализ неонацистской идеологии Национального Фронта во Франции показывает, что она является скорее расистской, нежели националистической в традиционном ее понимании. Демонстрируя ожесточенность против иммигрантов из бывших французских колоний в Африке, это правое движение не высказывает открытой враждебности по отношению к европейским странам, поскольку его лидеры понимают, что их пропаганда не оказалась бы успешной. "Иммиграция" — их единственный эффективный аргумент на избирательном уровне в том случае, когда 1/10 взрослого мужского населения составляют безработные... Судьба традиционных крайне правых партий в Западной Европе отражает процесс угасания национализма. Крайне правые группировки активистов могут привлечь своей активностью внимание средств массовой информации, но они слишком немногочисленны, чтобы ощутимо проявиться в выборочных опросах в масштабах страны. Западная Европа претерпела более значительные социальные перемены с 1945 г., нежели за два предыдущие столетия, в том числе и в уровне образования. Из всех переменных составляющих, оказывающих воздействие на националистические чувства, образование показало себя в каждой из стран одним из наиболее действенных факторов. Мы можем тем самым подчеркнуть следующую зависимость: чем выше уровень образования, тем ниже уровень националистических настроений. Когда мы сравниваем тощей, молодость которых пришлось на 1930-е годы, с молодежью 1980-х, то лишь частично делаем сравнение по возрасту самому по себе. Фактически же мы имеем дело с совершенно различными категориями населения, с различными поколениями.

Другим необходимым для усвоения уроком служит понятие гражданской культуры. Если

основные ценности могут меняться столь значительно от поколения к поколению, не следует ли нам пересмотреть уместность существующих понятий гражданской культуры и национального характера, которые оказались столь соблазнительными для многих ученых, начиная с 1963 г. и до настоящего времени?

Одним из наиболее важных открытий данного анализа может стать то, что при распределении основных ценностей различия внутри самих наций (государств) оказываются большими, нежели различия между странами. Неоднородность нации является более значимой, нежели различия между нациями.

В европейской интеграции участвует не только меняющийся баланс между национальной преданностью и наднациональной ориентацией, но также так называемая "гармонизация" законов и правил. Европейские Парламент, Совет, Комиссия и чиновничий аппарат выдвигают инициативы и принимают решения, которые ведут к ослаблению национальной суверенности. Эта передача властных полномочий с национального уровня на наднациональный редко является чисто внешней, но сообразной и эффективной. Существует уже весьма впечатляющее европейское регулирование в различных областях, влияющее на текущую жизнь народа.

Периодически проводимые на национальном и европейском уровнях опросы общественного мнения показывают, насколько далеко и быстро могли продвинуться "еврократы". Наднациональная верность постоянно питается наднациональным законодательством. Суверенность наций—государств медленно, но верно ослабляется своего рода свободной федеративной суверенностью с неопределенным названием "Сообщество", Граждане во всевозрастающей степени реагируют на существо европейской политики и выражают свои позиции скорее по многим экономическим и социальным вопросам, нежели по поводу своих национальных ценностей (См. так же: 16—26].

Перевод с английского Т.И. ШУМИЛИНОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hobsbawm E.* Nations and nationalism since 1870. Cambridge; Cambridge University Press, 1970.
2. *Ester P., Loek H.* Basic values in Western Europe; an empirical exploration // Paper world congress of sociology. Madrid, 1990. Eurobarometer. (1971—1990)
3. Eurobarometer. De. 1980.
4. Eurobarometer. Nv. 1989.
5. Eurobarometer. Mr. 1991.
6. *Harding S., Phillips D., Fogarty M.* Contrasting values in Western Europe. London; MacMillan, 1986.
7. *Csepeli G.* Negative identity in Hungary // Social research, quarterly published by the Hungarian Academy of sciences. 1984, V. 4. P. 27—38.
8. *Bondages* // Revue Francaise de l'Opinion Publique. Paris, 1944—1978.
10. *Stoetzel J.* Defeatism in Western Europe // Comparing pluralist democracies. Strains on legitimacy/Dogan M. (ed.). Boulder, Colorado: Westview Press, 1988.
11. *Rose R.* National pride in cross-national perspective // International social science journal 1985. V. 37. p. 85—96.
12. Index to international public opinion/Hastings E.H., Hastings P.K. (eds.) Westport, Connecticut Greenwood Press, .1981, 1982, 1987.
13. *Doxa* (Bollettino della). Milan: Istituto per l'Analisi dell'Opinione Pubblica, (1946 and onward).
14. *Hofriehter J., Niedermayer O.* Cross-border social european integration: trust between the peoples of the european community // Zentrum fur Europaische Umfragenanalysen und Studien (mimeo). 1991.
15. *Dogan M., Pelassy D.* Le Moloch en Europe: Etatisation et Corporatisation. Paris: Economica, 1987.
16. *Calvaruso C., Abbruzzese S.* Indagine sui Valori in Italia. Torino: Editoria Internazionale, 1985.
17. *Demoskopie, Eingeneration Spater, Bundesrepublik Deutschland 1953—1979.* Allensbach, Institut fur Demoskopie, 1981.
18. *Fogarty M., Ryan L., Lee J.* Irish values and attitudes. Dublin: Dominican publications, 1984.
19. *Halman L., Heunks F., Moor R. de., Zanders Я.* Traditie, secularisatie en individualisering. Een studie naar de waarden van de Nedertanders in een Europese context. Tilburg: Tilburg University Press, 1987.
20. *Noelle-Neumann E.* National identity and self esteem // Paper presented to the World Congress of political sciences in Paris. Paris, 1985.
21. *Noelle-Neumann E.* Nationalgefuhl als Historisches Ereignis. Allensbach, Institut fur Demoskopie, 1990.

22. *Noelle-Neumann E., Kocher R.* Die Verletzte Nation. Stuttgart: Deutsche Verlags, 1987.
23. *Orizo F.A.* Espana entre la Apatia et il Cambio Social. Madrid: Mapfre, 1983.
24. *Rezsohazy R., Korkhofs J.* L'univers des Beiges. Valeurs anciennes et valeurs nouvelles dans les annees 80. Louvain: Ciaco, 1984,
25. *SOFRES.* Opinion Publique. Enquetes et Commentaires. Paris: Gallimaro, 1984.
26. *Turner C.F.* Basic values; religion, patriotism and equality // Comparing pluralist democracies. P. 169—180.